

Доброта слова

Как хорошо, что есть такое средство
Уйти от суесть: издалека
Вернуться в край ликующего детства,
Где над Окой сияют облака.

Владимир Исайчев

Взять эти строки, эту строфу, одну строфу из стихотворения, и спокойно и вдумчиво прочитать её в школьном классе или прочитать её в зале, скажем, на вечере поэтическом, – каждый, кто внимательно слушал, почувствует доброту автора, поймёт, что за произведением желанием поэта – честный житейский опыт и уважение к материнскому краю, к Отчей земле!.. Поэт растёт из её улыбок и забот.

Владимир Исайчев искренне, с повествовательной подробностью и с удивительной нежностью говорит стихами о матери и отце, о дедах и прадедах, о жене и детях, о семейном уюте и радости.

А я не буду притворяться!
Ведь я глазам любимым рад:
Мне кажется, они искрятся,
Когда ловлю твой милый взгляд.

Разумеется, в мире огрубевших чувств и выражений, на сцене или на экране, с которых часто теперь «мастера» искусства угощают нас резкостью и хамством бытовщины, исповедальная трепетность поэта Владимира Исайчева может показаться кое-кому даже наивной...

В эпоху разнузданной гламуристики, псевдосвободы личности и нрава некоторым псевдонаторам и знаменитые русские песни кажутся ныне обременительным бараклом.

Славное море – священный Байкал!
Славный корабль, омулёвая бочка!

Господи, разве сравнить энергию и движение смысла данных строк с похотливыми просьбами лесбиянки? Ну и доизвались мы!..

Я так ждала тебя, так хотела,
А ты улетела!
В Куршавель? Зачем улетела?

Да, мы очень виноваты перед своим народом, затюканным бесконечными реформами и циничным оскорблением его достоинства и обители... Потому, читая стихи и поэмы Владимира Исайчева, посвящённые его селу, искристо-му и святому деревенскому роднику, избе нижегородской, дому ясноглазому, я благодарно вспоминаю творчество Ивана Никитина и Алексея Кольцова, Александра Прокофьева и Фёдора Сухова.

Владимир Исайчев держится национальной храмовой порядочности, щедрости сердечной и патриотической верности Краю, Родине, России нашей:

ВЛАДИМИР ИСАЙЧЕВ

ИЗБРАННОЕ

I

Владимир Исайчев. Избранное. В 2-х томах.

Петра Великого залив
Так величав и так красив
Своей лазурною волной
И скал могучей крутизной!

Мальчик, деревенский, из села Сартакова, а сегодня – поэт, седой гражданин России, помог воскресить задвинутый хламьём и временем родник, когда-то сверкающий из недр околных, сверкающий в краю Максима Горького и Бориса Корнилова. Звёздный храм поэта.

Нам, поэтам русским, ни мать, ни отец, ни Россия, ни Христос не давали

И, может быть, потому Владимир Исайчев так широко распростёр вдовновенные крыла поэта: от хутора или села Сартакова – до Байкала и Чукотки, Дальнего Востока и Крайнего Севера:

Просторы волн, эфир и берега,
Всё наполняя светом и учащем:
Здесь жар царил, там таяли снега –
И всюду ликовали жизнь и счастье!

Стихи, песни, романсы, поэмы – как бы праздник, благодарение за всё, что дала поэту судьба, жизнь, Россия. Но в книгах поэта нет той явочей «личности», кото-

рой сегодня изрядно на страницах газет и журналов, на экранах и сценах, которая нахально присоединяет себя к гениям... Искренность, распахнутость, доверительность, собеседование... И – уважение к человеку, другу, побратиму:

А над Бугом, над символом славы,
Разливается песня-набат.
Там, вдали, у лесной переправы –
«Журавли над Полесьем летят».

Поэт, да и вообще человек, творящий добро для своего народа, никогда не посягнёт на покой и радость другого народа. Ведь доброта и благородство нужны всем народам на Земле.

Так, спрошу я, кому же, кому – только татарам или только русским принадлежат бессмертные Муса Джалиль и Александр Матросов? Святой подвиг принадлежит человечеству. Святое слово, молитва, принадлежит народу и миру. Истину и подвиг слышит Грядущее!

Давно нам пора возвратиться, оглядеть родной дом и родной хутор, родное село и родной край. Россия ждёт нас!..

В лесах ярославских далёких,
Средь брошенных прежде земель,
Где небо – как синее око
И речка – старинная Нерль.

Среди деревень и поместий,
Оставленных будто навек,
Вернулся на прежнее место,
Воздвиг Благодать человек.

Сообщество дел совершенных,
Содружество праведных волей
Возникло на землях, сожжённых
Войною, где правила боль.

Вот так... Память не даёт нам оравнодушиться, а совесть не даёт безответственно отстраниться от судьбы народной.

Поэт Владимир Исайчев оповестил нас не только о своей жизни, но и рассказал о нашем времени, в частности, о моём поколении – о нашем поколении, рождённом перед войною и в тяжёлые военные годы. Рассказал, не обижаясь на Россию родную, на свой народ многострадальный. Рассказал, продолжая традиционную искренность русской поэтической дороги, по которой прошли Некрасов и Твардовский, Фёдоров и Рубцов...

Эта дорога не раз приводила Сергея Есенина на окские берега Гзяны в бескрайних просторах России. Помните?

О пашни, пашни, пашни
Коломенская грусть.
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.

Валентин СОРОКИН

ще и творчества в частности. Вот что грустно. А поэзия – вот она:

Ещё грибы в бору растут
И кое-где трезвонят птицы,
Но холода идут, идут,
Как вороги из-за границы.

да, на какой странице не откроешь книгу, – одна интонация, один размер и не очень новая форма старого содержания. Когда, как выразилась одна моя землячка, от стихов пахнет потом. У Игоря в книге, как в жизни, всего хватает: и грусти, и юмора, и прямой публицистики, и про-

И вилки острое движение
Моей коснулось бороды,

Но, траекторию закончив,
Возникло с радостью в пальцах,
Он над столом взлетел, как кочет,
Любимец русских деревень.

А я его сначала – в укусе,
Затем в горчицу, майонез.
Потом на клык... Он сразу душу
Наружу выставил, подлеп.

А где душа – там наша песня,
Как пламя вьётся над столом.
Всего-то водка, фарш и тесто!
А словно короли живем.
(«Ода русским пельменям»)

Естественно, другой читатель назовёт иные, свои любимые стихи из Тюленева. Мне же хотелось показать диапазон его творчества, тот счастливый случай, когда человек и его поэзия дополняют друг друга, когда в стихах много воздуха и света, когда они не рассудочны и не вымучены, – словом, когда они действительно талантливы. Только от таких строк можно зарядиться другим творческим человеку, что и было испокон веков. Великая русская поэзия всегда показывала тот горизонт, ту духовную вьсь, ниже которой не принято опускаться истинному поэту. И, хотя классика навеки прописалась в наших душах, всё-таки ум и сердце хотят внимать современнику, соотносить свои пристрастия и взгляды с ним, живущим на той же земле и в то время, что и ты.

Поэзия Игоря Тюленева, которая именно поэзия, а не рифмованные вирши, – даёт такую возможность, дарит радость общения с личностью сильной и щедрой, умной и доброй, вобравшей в себя красоту и подлинность родной земли.

Валентина КОРОСТЕЛ'ЕВА

Имя улицы

Передо мной книга... Впрочем, не книга, а КНИГА из тех, какими и читатель пользуется охотно, и авторы гордятся до конца дней своих. «Москва. Именные улицы города» из серии «С чего начинается Родина...» Издана при поддержке правительства Москвы.

Это справочное издание коллектив редакции журнала «Воинское братство» во главе с Владимиром Оськиным и Ириной Гришиной за-

однажды выяснилось, в фототеке редакции отсутствуют снимки некоторых улиц. Пришлось идти фотографировать. Доходило до курьёза: бывало, брали в руки лопаты и расчищали от снега территорию, чтоб снимок вышел эффективнее...

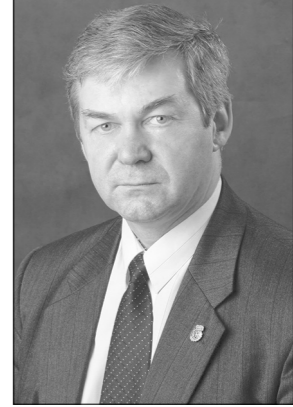
И вот – книга есть. Солидный, красивый том, в который вложена прекрасная идея, прекрасно воплощённая в жизнь.

Москва. Именные улицы города. – М.: ООСТ, 2010. – 600 с.

думал давно. И, наконец, задуманное представило красочным, информационно насыщенным томом... В Москве примерно 1500 улиц, 569 из них носят имена конкретных людей. Рассказать, что представляли собой люди, в честь которых названы улицы, – вот цель издания. На каждого человека выделена страничка: портрет, фото улицы, текст. Вроде, немного. Но страниц таких – около 600. Работу коллектив проделал грандиозную.

В процессе подготовки авторы столкнулись с проблемами самыми неожиданными. Улица Тучковская, скажем: в честь кого персонально из многочисленного рода Тучковых названа? Оказалось, в честь четверых братьев сразу – в честь героев 1812-го года. А

Николай СТАРОДУМОВ

Широк русский человек

(О книге Игоря Тюленева, и не только)

Прочитала я как-то подборку стихов Игоря Тюленева и запомнила имя. С тех пор не пропускала его стихов, где бы ни встретилась. Это не объяснить умом: просто тот или иной поэт задевает некую тайную струну внутри и станет вдруг близким. Среди таких – Игорь Тюленев. На пленуме СП России в Курске он надписал мне книгу «Альфа и Омега на цепи», изданную красиво, с портретом на обложке, вышедшую в издательстве «Голос-Пресс».

Игорь Тюленев – поэт достаточно известный, со многими званиями и премиями, изданных книг немало. И, если бы у меня была задача наловить побольше орехов в его стихах – проблемы бы не было. Но в поэзии Игоря есть качества, которые и не снились никому-нибудь насковье литературно-мушкетеру, когда, вроде бы, и придраться не к чему, а душа не отвечает на грамотные и рассудочные вирши, коими нынче заполнены наши издания. Настоящее живое слово всё более становится редкостью и всё дороже становится уму и сердцу. И когда попадает в руки талантливая книга – растягиваешь удовольствие, потому что истинную поэзию нельзя пролистать за полчаса; она становится частью твоей духовной жизни. Сменяясь, возвращаясь к Игорю Тюленеву, выразить сомнение в удачности имени книги: «Альфа и Омега на цепи». Заковыристое выражение для названия, призванного привлечь самый широкий круг читателей, далеко не всегда изощрённого в некоторых понятиях.

Но это, как говорят, детали. За что же всё-таки любит читатели Игоря Тюленева? Да вот за то, порой бесшабашное, порой на грани игры и озорства (см. парижский цикл и другие стихи), по-русски широко «разудившее плечо, размахнувшись рука», где главное – не сами строчки, и удачные, и не очень, а вот это состояние вольности бытия, радости за своё призвание и такое же открытое, иногда наотмашь, неприятие многого того, что делает из человека подобие троглодита. Тюленев не стремится хорошо выглядеть («чего подумают те или эти?»), он раскрывается весь – со всеми до-

стоинствами и недостатками: вот я такой, хотите – любите, хотите – гоните.

«...А если это дом друзей,
То лучше в мире нет лекарства,
Полнее, друг, стакан налей,
За русское я выпью Царство!»

Да за великие дела,
За славу мировой Державы.
И, как сказал старик Державин:
– Французский нам престать пора,
Но Русь любить
И пить!

(«Хвала гранёному стакану»)

А рядом – горькие и точные строки о том, что ещё недавно слишком скоро рванались судьбы многих и многого; что сплосшь и рядом с водой выбрасывали ребёнка те, кому очень хотелось взобраться наверх, а после смотреть свысока на соплеменников.

...Душе подай целительный настрой,
И я смотрел без тени превосходства,
Что со страной стало и со мной,
И тихо плакал, чувствуя сиротство.

Я не скажу, что повливал запой –
Не пью, беру уроки атлетизма.
Я плакал над разрушенной страной,
Упавшей в пропасть с пика Коммунизма!

(«Советское кино»)

Впрочем, Игорь Тюленев знает, что делу время, потехе час, что читатель должен порой отдохнуть от серьёзного и грустного. И появляются стихи с озорством, близкие по духу русской частушке, а то и Роберту Бёрнеу.

Ты стоишь всех моих наград,
Прекрасная Маруся!
Я прыгну ночью в палисад,
В окошко постучуся.

Клубятся жёлтые шары
Перед окном подрути.

«Петрушка! – скажет. – Это ты?»
И встречу протянет руки.

...Ну ладно б спутала с ведром,
С луной, с шаром в окошке...
А то – с дубиной Петром,
Прощай навеки, крошка.

(«Цветы»)

Но поэт становится серьёзен, по-сыновьи нежен, когда речь заходит о малой родине, с которой связано всё самое истинное, «несказанное, синее, нежное...» Неслучайно Тюленев знает и любит в Пермь, откуда он родом. Неслучайно в его ответах на вопросы «Российского писателя» есть такие строки:

«...в русской глубинке выступление поэт собирает полные залы... Заверяю вас, что нет читателя благодарнее, чем простой русский человек. Там нас действительно ждут... Вся сила и мощь зреет в провинции. Мы самые крутые, мы самые талантливые, мы самые сильные. Об этом я всегда спорю с московскими поэтами и критиками. Поэзия развивается не по горизонтали, а по вертикали: от земли – к небу, от души к Богу...»

Золотые слова и вовремя сказаны! Потому что читатели, которых на мякине не поведёшь, стареют, а молодёжь принимает за стихи всё, что в рифму, даже если в плохую. «И я так могу!» – решает старшеклассница или отрок, собирает свои вирши по случаю, выпускает на родительские деньги сборник – и гордо именуется поэтом! Общая культура настолько упала, что даже путяти рифмоплёта принимаются за поэзию. Не отступают и некоторые пенсионеры, обнаружившие у себя уйм свободного времени и энергии – и вот пекутся книги, как блины на масле. Снова Игорь Тюленев: «...только в России в профессиональных писательских союзах состоят на учёте несколько тысяч человек, пишущих стихи. А бесчисленные антологии... альманахи, коллективные сборники...» Всё это выдвигает за поэзию, подкрепляется писательскими билетами, в итоге резко снижая уровень культуры вооб-

Нагие, как перед судом,
Стоят берёзы перед снегом,
А нет бы, постучаться в дом,
Поговорить бы с человеком.
(«Ещё грибы в бору растут...»)

Отрадно, что в стихах Игоря Тюленева нет одной постоянной темы, когда поэт «перевыбывает» не раз сказанное, ког-

нии. И всё – широко, правдиво, искренно. Поэт доверяет читателю самое сокровенное, надеясь на понимание и душевную близость. И, как правило, не ошибается. А потому и творческой смелости ему не занимать.

...Поехало, пошло веселье,
Звенели рюмки и ножки;